

Наталия Рай

ДАР НЕБЕСАМ

Наталья Рай

Дар небесам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45564095

ISBN 9785005051639

Аннотация

Стихи разных лет, сохранившиеся во всех жизненных передрягах. Несколько тех, которые написаны в далёкой юности и до сегодняшних дней.

Содержание

Наталья Рай	6
АКРОСТИХ*	11
ОБРЕТЕНИЕ	12
СТРАШНЫЙ СУД	14
УЧАСТЬ	16
САД	18
НЕВСТРЕЧА	20
РОМАНС	22
ПРЕДСКАЗАНИЕ	24
ВОРОЖЕЯ	26
ЗВЁЗДЫ	28
ПЕГАС	30
РАЗЛЮБЛЕННОМУ	32
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	34
БАЛЛАДА ОБ ЭВРИДИКЕ	36
ВЕРСИЯ ЛУКОМОРЬЯ	39
МОЛЬБА	42
ФИНИШ	44
ВЫБОР	46
УПРЁКИ	48
ДАТА	50
СОН	51
АНОНС	54

Дар небесам

Наталья Рай

© Наталья Рай, 2019

ISBN 978-5-0050-5163-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталия Рай ИЗ ПЕРВЫХ ТЕТРАДЕЙ

* * *

Я – узник в камере тоски.
Лишь метр на два. И нет окна.
Нет голоса. И нет руки.
И взгляда нет. Я здесь одна.
И до скончанья дней моих,
С тобой уже не будет встреч.
И я бессильна, и мой стих.
Из круга корень не извлечь.
Так бесконечен этот круг.
А ты – за ним. В такой дали,
Что ты – не враг мне, и не друг:
Ты на другом краю земли.
И я не попаду туда
Ни в этой жизни, ни в иной.
Змеино шепчет мне беда:
Ничто не вечно под луной.

* * *

Э.

Мне другом была. И матерью.
И дочерью, и сестрой.
Сказала: “ Дорога скатертью.
И дверь, не забудь, закрой».
И стою у двери закрытой.
Разрубить, разломать, расшибить?
Дом за ней. В нём – душа убитая.
Те, что смели её убить.
Стало пусто. Холодно, тяжело.
А за дверью – совесть чиста?
Где-то тонко лает дворняжка,
Жизнь и миска её пуста.

* * *

Но что же мы спасения не ищем друг у друга,
Когда с трудом в себе удерживаешь боль,
Когда беда безжалостна, из спаренных со выюгой,
Когда чужие все, когда никто не свой.
Что ж в одиночку мы в свои ныряем норы,
Что ж в одиночку нас мытарит боли чад?
И что потом в небрежении укоры,
Когда мы врозь вывозим самый чёрный час.
И с каждым разом оба всё сильнее слабеем,
И с каждым разом мы друг другу всё чужей.
Когда-нибудь, настанет день, мы не сумеем

Хоть одного спасти на смертном вираже.

* * *

Друг-дружище, давай помолчим.
Ведь слова – шелуха. Из-за них между нами
Напряженье стеной. Взгляды словно мечи.
Чьей же гордости выше поднимется знамя?
Так потом тяжело, сердцу воздуха мало.
И душа, как пожарище. Ждёшь и не ждёшь.
Мы сегодня, дружище, наверно узнали:
Что в словах потеряешь, в молчаньи найдёшь.

* * *

Сломано всё, искорежено.
Всё истёрто в серую пыль.
Еле жив, огонёчек брезжит,
Полуверя в былую былль.
Полуверит, что былль вернётся,
И посмотрит строго в глаза,
Удивлённая бровь взметнётся:
Да? Уже и прошла гроза?
И сверкнёт вино янтарями,
И прекраснейшая из рук,
Свой бокал упруго и прямо
В света поднимет круг.
И в небрежнейшем из наклонов
Ливень волос сверкнёт.

Всё искорежено, сломано.
Ветер пыль вот сейчас взметнёт.

* * *

Не люби ты меня, не люби.
Не воюй ни добром, ни злословьем.
Помни заповедь: не убий!
Убиваешь меня – любовью.
Ты спокойно меня подожди:
Не дождавшись, казнить не спеши.
Меж жарою нужны дожди,
Солнце может ведь и сушить.
Не люби ты меня, не люби.
Я живу на земле: грешна.
Помни заповедь: не убий!
И дождись, что придёт весна.
Я тогда, может быть, пойму,
Что прекрасней ты зверя и птицы.
Сердце, может, простонет уму:
Пусть имя твоё святится!

* * *

Столько лет неотступно, след во след неотступно,
След во след попадая в мой слабеющий шаг.
Два бессменных стража, два стража неподкупных
Столько лет не дают мне спокойно дышать.
Имена их неброски, просты, молчаливы.

Но на них столько слёз, безнадежья печать.
К праху столько надежд вновь Тоску терпеливо,
Неторопливо приводит Печаль.
С первым проблеском дня, после ночи бессонной
Вновь за мной шелестят две плакальщицы бед.
Вновь Тоска погружает в свой омут бездонный
Вновь Печаль налагает свой тяжкий обет.

АКРОСТИХ*

Зарок даю: ценить зарю.
Аванс – стихами говорю.
Давно ль я, слёзы затаив,
Уйдя от юдоли земной,
Шла, как средь вытоптаных нив,
Утомлена большой ценой
Моих прошедших дней и лет:
Олимп и царствие теней.
Йог позавидовал бы мне.
Свет, как от тысячи огней,
Внезапно пал на сердце мне.
Ещё сильнее сила тьмы
Тем, кто нашёл врата тюрьмы.
Верна себе, не подхожу.
А издалёка лишь гляжу.
Молчаньем тихим дорожу.
Сияет лик – душа чиста:
Так есть всегда всему причина.
И словно белизна листа,
Храняща эта чистота
И как любовь – неизлечима.

*Начальные буквы строк.

ОБРЕТЕНИЕ

«Призраки вызываются нашей тоской. Иначе они не смеют. Дотоскуйтесь до отчаяния, и они станут полновластными хозяевами ваших дней...»

Марина Цветаева

Я – дотосковалась до отчаянья...
Но не призрак Вы, а та ж Душа,
Зримая почти, и – не печальная...
И люблю, давно забыв дышать.
Избраны: среди бывших и идущих,
Будущих – людей, из всех – стихий,
Ликов, лет, явлений всех грядущих:
Вы, Душа и все Ваши стихи, —
Все, что – Вы. И прочь ограничения!
Всё возьму и тем же возвращу!
(Правда, не достанет мне свечения,
Можжевательник Вам за то возвращу).
– Как же – Вас! Или – стихотворения!
– Ах, непарны – «туша» и «душа»?
– Не было в раю столпотворения:
Что так перемедлили, спеша?
Разве не могли в году рождения
Моего – лишь цифру изменить?

– Может, и неверное суждение...
– Птицы – превращаются в огни?
– Вы берете право полновластное
Править кораблями и пером?
– Помню, что противница негласная
Вещи. И что: действие – добро.
– Да, пойду в любые измерения.
– Да, пойду – в костры, бои, века:
Сердце – самоценным заверением
Вашего – вся – плащ – ученика...

СТРАШНЫЙ СУД

Марине Цветаевой

«Как билась в своем плену
От скрученности и скрюченности.
И к имени моему
Марина – прибавьте: мученица...»
Посланница всех богов,
Представшая в образе женщины,
Не гостья Земли, а – Гость,
В сиянии всей увенчанности.
И Ангельский светлый лик
Невольно отпугивал грешников.
И гордый – орлиный – клик
Будил палачей и приспешников:
Все изыски всех ловцов
Облавой – вставали – жестокою,
И ружья – в одно лицо! —
Стреляли все – в зеленоокое...
Но длился – по Воле – срок
И стихия сменялась стихиею,
Сменяло волну – перо,
И пеной взлетали стихи её,
И не было им пустынь,
Им все измерения – условности...

Сквозь смерти порог и стынь —
Вам – наши – коленопреклоненности:
Поэту. Без мер – Душе
Где слов отыскать благодарности?
Оркестров каких туше
Сумеет воспеть лучезарности
Ангела? Хлеба ли – дар?
Биение сердца живущего?
О, *чем* искупить удар
Слов, мукой безмерною рвущих!
«Как билась в своем плену
От скрученности и скрюченности.
И к имени моему
Марина – прибавьте: мученица».
Обет покаяний *каких*
Сменил бы событий течение?
Будь проклят, кто строил скит,
Чтоб Вас в нем держать в заточении!
За слёз Ваших бедных соль
И Бог не подаст отпущения!
За эту, *такую* боль
Никто – не получит – прощения!

УЧАСТЬ

Слово – дом мне. Но и – казнь:
Написала? Встанет!
Револьвер ли у виска?
Ангел ли предстанет —
Тот, с последнею Трубой,
С финишным сигналом:
Все описанное – боль,
Путь до всех Синаев,
Ливни черные камней,
Сумрак одиночеств,
Сумасшествие коней,
Всех ночей пророчеств,
Все пустоты встречных душ,
Раны всех обманов,
Все падения на льду,
Слякотей туманы,
Сердца каждая стрела,
Мука каждой пытки,
Все ранения крыла,
Всё бесправье нитки...
Оживут и вот – в лицо
Злобно засмеются, —
Всем разбоем подлецов,
Пьявками вопьются

Да не выбирая мест,

Не леча – пытая!

Пишешь – смерть, не пишешь – смерть...

Ангел, что ж не встанешь?

САД

Марине Цветаевой

Что же мне дать Вам еще – кроме
Слова? А сердце, душа – Ваши.
За солнцем – так – не боясь грома,
Подсолнух собой – вслед – машет.
Если ж сойдет и уснуть ляжет
Солнце, словно само терпенье,
Под весом – всей и всех – поклажи,
Я – без стога, слезы, пенья,
Ожиданием самим – всем – стою, —
Так! Сама почти став восходом...
И вот: каноны, псалмы – пою,
Я – черница сего прихода.
Марина! Вы мне – нет, не кумир!
(Двойники: палачи-фанаты!)
Люблю Вас, как целый не мог – мир!
О, если узнать бы знати,
Какое Вы – солнце, какая – ширь,
Всех – злат, всех – камней – сиянней!
Какие богатства какой Души —
Мне – свет! Что за чернью, пьянью
Себя узрели б! И стал бы миг
Им страшнее Судов и адов!..

Знаю, Душа: Вы – за этот мир —
Утешены Вашим садом.
Не ад он, не бред, в нём – ни лет-души,
Поцелуй Тишины – да в глаза:
Бессонье на сон изменить в тиши
Благодарный Бог приказал...

НЕВСТРЕЧА

Не славы ищущу я – ответа молю.
Да нет, не ропщу я, что вечно – люблю:
Царя, и прислугу, и злого раба,
И руки на плуге, бродячих собак,
И пыль на дороге, и солнца – пожар,
Последние дроги, сверканье ножа,
И рвущее пеньё гитарной струны,
Зимы дуновенье, дыханье весны,
И дым сигареты, и кофе – глоток,
И чьи-то портреты, ревуший поток,
И Деву Марию – как солнце! – люблю...
Но как же Марине – стихами – молюсь!
И как же тоскую я вечно о ней!..
Как Душу такую не встретили мне?!
Лежат между нами полвека стеной,
И вою, стенаю, как пес под луной...
Кого-то пугала (!?!) безмерность Души,
И – в дверь сапогами: «сама согреси!»
Марина! Я Вам бы – рубила дрова,
А Вы б – целованьем – растили слова,
Я денег достала б Вам – целый мешок!
Весь быт бы усталый – ко мне перешел:
Я б мыла, стирала, варила супы,
Следы вытирала несътой толпы...

Я, как Вы хотели, – Вам время б дала.
И Вы бы летели над гладью стола —
К горам, и к Тезею, на рыцаря грудь,
Вы б – мощию всею – молились в бору...
Но – роком – меж нами невстреча легла.
И к Вам меня – снами – несут два крыла.
Я в сны – словно с башни лечу – на кинжал:
И – снится мне Ваша прическа пажа,
А в сердце – волною – и голос, и глаз...
Я жизнь бы – ценою – за Вас отдала:
Одна бы Вы встали к огню моему:
Я здесь так устала вычерпывать тьму...

РОМАНС

Мне всегда не везло в игре...
Говорят – повезет в любви!
За какие же сонмы вин
Я на этом молюсь костре?
Не награда любовь – беда.
В сердце мне – сотни тысяч жал.
Плачу я. А тебе – не жаль:
И – с отяжкой – опять удар.
Боль до края и через край.
Раскаляются шомпола.
Чем тупее, тем злей пила.
Ты – не любишь, и, значит, – прав.
И в душе – как на полюсах,
Ветер душу избередил.
Сердце вырвать бы из груди
И отдать на съедение псам...
Ложь пытается в сто тысяч жал:
(Вижу явно, как путь кровав),
И все помню твои слова:
«Ты – рыдаешь, а мне – не жаль...»
Я вершу ежедневно грех:
Я о смерти молюсь, молюсь:
Бессердечного я люблю:
Мне всегда не везло в игре.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

И знаю я: умру я скоро.
А ты меня – переживешь.
И ты тогда – мои укоры,
Моё страданье – призовёшь:
Не только строчки, запятые
Признаешь даром – из души.
Как смог – в минуты золотые
Ты повелеть мне: не пиши?!
И в краткий миг у райской двери
Я не успела ни строки...
А в отдаленьи выли звери,
Мой окружая бедный скит...
Всех одиночеств – одиноче
Я каждый миг тебя ждала!
Из белой соли черных строчек
Стихов я кружево плела...
Десятки лет в печали станешь
Ты петли слов перебирать.
В тоске умрешь, и снова встанешь,
Не зная – брат ты или враг?
Или – единственно любимый?
Или – единственный палач?
Я – помню всё, я всё – забыла,
Тебе оставив – зеркала.

Сбиваясь в счёте, сосчитаешь
Ты слез моих жемчужный клад.
И ужаснешься, – что не таешь,
Ты в стихотворных зеркалах...
А я, утешенная Богом,
Еще в стихах тебя простя,
К тебе, охваченном любовью,
Приду – в последний сон слетя...

ВОРОЖЕЯ

Четвертый, напрасный год
Горько стекает в Лету:
Как сокол – печально гол —
Плачет в ненастном лете.
Давно уж расстались мы —
Я дням потеряла счёт...
Цветы посреди зимы —
С телами погибших пчёл.
Ах, бабушка, были дни:
Кружил обещаний рой —
Лелеять, любить, хранить,
И дать и приют, и кров...
Сокровища всех миров
Обещаны были мне!
Невидимый вдруг порог
Крылатых убил коней...
Ах, бабушка, средь цветов —
Но мертвых – очнулась я:
Разбит, стоит фаэтон,
И слышен крик воронья,
И пара ужасных птиц,
Глядела куда-то вдаль,
Средь мертвых каких-то лиц
Кто-то вдали рыдал...

А милого князя взор
Спокойно на всё глядел...
Широк – моих мук – узор...
Там ворон — *такой!* – сидел!
...И этот узор никак —
Года! – не распутать мне!
Ах, бабушка, – жжёт тоска,
И волосы белит снег:
Я видела смерть коней!
И князь разлюбил давно...
Как смерти посланник – снег —
Всё веет в моё окно...
Узора крепки шелка!..
Ты ворона – унеси!
Ах, бабушка – жжёт тоска:
Отворожи! Спаси!
Бабушка! Ворожея!
Отворожи меня!
Не знаю дороже я
Свободы – что отнял князь...

ЗВЁЗДЫ

Когда-то давно – мои годы считались
На пальцах одной лишь руки —
И я в упоеньи о звёздах мечтала,
Жалея, что так далеки!
И я у отца, тогда бывшего рядом,
Спросила: «Где к звёздам пути?»
«Туда, – отвечал он и словом и взглядом, —
Сквозь тернии надо идти!
А тернии – остры, жестоки, колючи:
Не в тело – а в сердце войдут!
И мукою черною сердце измучат,
Покой навсегда уведут...»
Но звёзды прекрасные в душу глядели,
И звали к себе – в небеса!
Но боль – всё равно не имеет пределов,
Но жизнь – это тигролиса!
И я – на дорогу, ведущую к звёздам,
Ступила, не меряя бед,
И боли – не капли, не плети – а грозди
Достались мне, вольной рабе!
И мчится душа – по спирали – все выше!
И тащится тело за ней.
Незрима, но боли рыдания – слышит

И мучится болью – вдвойне,
И новые иглы щетинятся грозно...
Но поздно уже – выбирать:
Пусть тернии – рвут, но держу я – на звёзды!
Без них жизнь – не храм, а сарай!

ПЕГАС

Эй, Пегас! Да ты взбесился, что ли?!

Да куда же ты меня занёс?!

На простор хотела я, но – поля.

Ловко ж ты прикинулся конём!

Сам пришёл, и сам согнул колена:

Покатаешь – обещал – меня!

Не тебя ловила – я, ты – пленной

Не услышав, скачешь по огням,

Над огнями. Вот уже пропали

Эти. До звезды – подать рукой!

Эх, Пегас, – меня до пепла спалишь!

Вымолила я себе покой!

Голову мне ветры с плеч срывают,

Клеть грудную скоро разнесут!

Ученик я, даже не скрываю:

После – одиночество несут.

Мне же дали – до! Я опилась им!

Кто со мною так – наоборот?

Кто распорядился самовластно?

Бедный! Удила порвали рот!

Дай – сойду, и дай – сниму уздечку:

Коли сам пришёл – не убежишь...

Милый! Я люблю коней сердечно:

Ляг! На Луге Млечном полежи!

РАЗЛЮБЛЕННОМУ

Как звук после грома
Твой голос сейчас...
Кострово, огромно
Пылала свеча:
Я сердце сжигала —
Твоё растопить.
Да как бы солгали
Молящие – пить?
А ты – ухмылялся:
Рабыня – служи!
В другую влюблялся,
Купался во лжи.
Я не отклоняла
Ударов в лицо,
А плётка сменялась —
Под сердце – свинцом:
Ты целился зорко —
Не насмерть убить,
Не в сердце – в «семёрку»:
Рабыня – люби!
Но Ангел – за правым —
Молил за меня.
Из чёрной расправы,
Из злого огня

Он вывел на волю
Меня навсегда.
Мне смыла все боли
Живая вода.
А ты, обнаружив:
Ошейник – пустой,
Воруешь из кружек
У церкви святой.
И Господу злобно
Грозишь кулаком,
И жаждешь – на Лобном,
У чёрных мостков,
Да с цепью на шее
Увидеть меня,
И вздыбить Кощею
Дракона-коня.
Но я – отмолилась:
Уже – *не* люблю.
Я всё, что спалилось,
Развеять велю.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Лицо – в лицо, глаза – в глаза,
Стоим, забыв вдохнуть.
И грудь – гранит, и грудь – базальт,
И нам – в одном тонуть...
Мимоидущий чей-то друг
Коснулся наших плеч.
И разомкнулся тесный круг,
Звонящий на стреле.
Да будет злого шутника
Колчан – навеки пуст!
Да стихнет жажда – все века
Несыто пьющих уст!
Но веселится сорванец
И тетива – звенит.
И на двоих – один венец,
Мольба: не измени!..
Мы в миг один сошли с ума,
Средь ясна-бела дня —
И глаз пожар, и лиц кумач
Закладом – у менял:
За сердце – два, за душу – две,
За двое губ – одни...
К тебе на грудь – моей главе:
За тягостные дни.

О, я не помню, милый, чем

Я до тебя жила!..

...За дар небес, за свет очей
я жертвы принесла.

БАЛЛАДА ОБ ЭВРИДИКЕ

О, Эвридика, Эвридика! —
Я за тобой – в Аид сойду!
Тебя, – прекрасной, луноликой —
Милей и краше – не найду,
О свет очей моей души!
Прими мой голос, арфы звон:
Гляди – застыли камыши,
Застыли пчёлы – над травой,
И звери дальше – не бегут,
И птицы дальше – не летят,
Застыл всех рек и бег, и гул —
Сейчас враги врагов простят!
О, Эвридика! Всю любовь
Земли стелю к твоим ногам!
О, Эвридика! Я тобой
Пленён, я вечно твой слуга!
О, Эвридика – два пути
Легли навек в единый путь,
И песнь моя – к тебе летит!..
...К Тартару боги кажут спуск!
О, Эвридика! Как смогла
Уйти одна ты в царство тьмы!
Олимп потряс мой страшный плач:
Я стал – слепым, я стал – немым.

О боги, боги! Горе мне!
О боги – милости молю:
За что мне даже смерти – нет?
Навек её одну люблю!
О, Эвридика! Свет очей,
Угасший свет моей души!
Не слышать мне твоих речей...
Со мною плачьте, камыши,
Рыдай со мною, вся Земля! —
Нет Эвридики! Нет навек!
О зверь! Пади, богов моля,
Чтоб и меня убил Зевес!
И смилостивился Олимп,
И разрешил в Аид сойти,
И – по рыданию молитв —
Её из смерти – увести.
Но – Эвридики руку взяв,
Ведя её под свет и синь,
Не оглянись – на миг! – назад!
Кто б как ни плакал, ни просил,
Какой бы ни был вопль и стон —
Не оглянись! Не оглянись!
Будь слеп, и глух, и будь жесток:
Так Эвридике жизнь верни.
И Эвридику вёл Орфей,
И дрогнул – в страхе потерять —
Под рёв и гром подземных сфер
Он проиграл, с собой борясь...
И произнёс Зевес вердикт:

Все пополам года деля —
Полгода ей – в Аид сходить,
Полгода – пусть поёт Земля...
И ждёт Весны Орфей всегда,
И плачет Осень вместе с ним...
Весь год – не быть им – никогда!
О, как же их – соединить?

ВЕРСИЯ ЛУКОМОРЬЯ

Ой, жила да поживала —
Сладки пряники жевала —
Где-то в Туле пятикратная вдова.
Чай на блюде наливала,
По три раза доливала
Свой – семнадцатилитровый! – самовар.
День-деньской чай гоняла,
Рот крестами осеняла...
Не везет ей с мужиками – хоть ты плачь!
Всё глядела из окошка,
Как под липой – ходит кошка,
И поёт про лукоморские дела.
Истерзалась до печёнки:
Больно хлипок мужичонка!
Это вам не тридцать три богатыря!
И опять вдова – считала,
И, печальная – мечтала:
Вот бы в Туле бы им бросить якоря!
Снова пальцы загибала:
Даниил – не вынес бала,
Николай – на свадьбе сильно перепил,
Отравился – Фрол – грибами,
Саня – выпарился в бане,
Вместо мыла – динамит Иван купил...

В терему вдова сидела,
На дороженьку глядела,
Закипал пока долистый самовар,
И мечтала – хоть портретик
Ей бы выслал Тридцать третий!..
Лучше всех русалок – тульская вдова!
Быть шестым – не так зазорно!
Перебьётся Дядька чёрный!
Тридцать третий, верно, самый молодой...
Нет стыда у Чёрномора! —
Столько вдов безмужьем морит!
Холостых – и нагло держит под водой!
И мечта – казалась явью:
Ведь вдова – с пятью мужьями —
Месяц – замужем, три месяца – вдова!
До того вдове обидно,
Что шестого всё не видно,
Что не мил ей – белый свет и самовар!
Тяжко вдовушка стенала,
Сундуки свои пинала:
Хоть выбрасывай широкую кровать!
Тут примчалась повариха,
Сватья – баба Бабариха...
Порешили – женихов поворовать!
...То не лебедь над рекою,
То по трое скачут кони,
То из Тулы – в Лукоморье – шёл отряд,
Впереди – Черномориха —
Сватья баба Бабариха...

Эх, держитесь, тридцать три богатыря!
Лишь полгода миновало —
Тула – пела, танцевала:
Тридцать трое – стали в Туле под венец!
Впереди стоят в соборе
Бабариха с Черномором...
Потому-то Лукоморья – больше нет!

МОЛЬБА

Марине Цветаевой

Марина, Марина, Марина! —
Полвека – как вечность, как день, —
Безлико и непримиримо —
Меж стуками наших сердец,
И в миллион-главой пустыне
Я маюсь – кого полюбить?
И снова, над времени стынью,
Сквозь козни всех чёрных Сибилл,
Сквозь годы, сердца и дороги
Я в вашу безмерность – лечу!
Чтоб пасть перед Вашим порогом,
Куда нет пути палачу,
Где можно уже не бояться,
Что маятник сердца – широк,
Где можно от счастья смеяться,
Что Цахес пропал средь миров,
Где – руки: к восходу, к закату,
Хоть – в пыль, хоть – в колени – лицом,
И что ни обнимешь – руками,
Ответит объятий кольцом.
Без страха любовь – разольётся:
Пигмеям – так страшен разлив!

И рот наконец-то напьётся —
За жажду безводной земли...
Марина! Так тяжело дробиться,
На атомы – сердце деля,
И не в кого вольно влюбиться,
И рубишь на проблески взгляд,
И здешним я – невыносима:
Как с солнца берут – по лучу...
Я в небо – со всей его синью —
Замученным сердцем – кричу:
Марина, Марина, Марина!
Возьмите – в безмерность – меня!
Отсюда – где непримиримо —
Как звери – боятся огня!

ФИНИШ

И вот итог моих страданий,
Моей борьбы, моих метаний
И бесконечной маеты:
Грозят – бедой, грозят – тюрьмою,
Грозят – дырявою сумою...
Всему виной – Любовь и ты.
Я знала – сразу, знала – точно
О полосе полярной ночи,
Что размахнётся – на года!
Но – кнут любви и пряник ласки:
Я – за порогом чёрной сказки,
И всё – беда, везде – беда.
Ведь я – пророчица, и знала,
Когда плененье начиналось:
Цепями станет синий взгляд!
Слова – в их звенья превращались,
Улыбки – в горькие печали,
Все кандалы – из наших клятв!
И вот: финита всех комедий!
И Время – самый лучший медик —
Пропишет курсы процедур...
А я болею – лет потерей!
Не надо ссор мне и истерик,
И лжи, варенный на меду!

Зачем же ты, с Любовью в паре,
Как кровожадные татаре,
Свели меня в кровавость бань,
И рвали сердце, рвали рёбра? —
Как список пыток был подобран —
И пот кровавый был на лбах...
С обличьем ангелов, но – черти!
Не властны в жизни вы и в смерти.
Живу – в напрасной седине.
И обучаюсь – снова, зыбко
Я слову, шагу и улыбке:
Как чудом выживший в войне.

ВЫБОР

Я прикована, как Прометей,
К одиночеству, словно к скале.
Чёрный ангел давно улетел,
Убеждая: не пою я с колен.
Стаи, сонмы, потоки – идут
Мимо, в жизни свои и дома.
Пусть же лучше меня уведут
В дом, которому имя – тюрьма,
Чтоб мне знать: никого – среди стен,
Чтоб мне знать: то пустое – кричать...
Не раздолбят вороны костей,
Когда сердце дотравит печаль.
Но стоит моя тесная клеть
На торжище – и шум, вонь и гул...
И двуногих весёлая плеть
Всё любитесь мной на бегу.
Да, любуйтесь – на бrenную плоть.
Но душа – улетай! Улетай!
Словно сшедший с рассудка пилот
Тело тлену навеки оставь:
Никогда не придти кузнецу,
Чтобы в сотни дорог – отпустить...
Коль судьба быть такому концу:

Тело, трижды ты душу – прости,
Что тебя на позор отдаёт.
Но спасёт тебя смерти рука.
Вот душе – всё пока не споёт —
Как дорога ещё далека...

УПРЁКИ

Много раз попрекали меня:
Что надменна, чужа и горда,
Что никак не стреножу коня,
Что мне лучший напиток – вода...
Своевольно взлетевшая бровь
Изумленье моё выдает...
Что вовек не любила пиров,
Что меня ненавидит враньё,
Крест, что плечи гнёт только мои,
Презирать не умею больных...
Я приучена горечь таить.
Ну, а мысли – конечно, вольны!
И сама я с ветрами дружу.
И в мирах – без таможен – гощу,
И я зла никогда не держу,
И друзьям – что угодно – прошу,
Кроме, разве, – измен и крови
И невинной ребёнка слезы!
Вырываются вожжи брови
Перед лаем и гонкой борзых.
Но охотник, поднявшийся в лов,
Натравивший собак на меня,
Не найдёт – на везенье – подков
Моего золотого коня...

ДАТА

Резкой пощёчиной – дата – в лицо.
Щёлкает счётчиком, дышит пылью, —
В тот добирается день февраля
Где разбирается дело враля.
Русской рулеткой кладёт – наповал —
В чёрные клетки – злые слова...
Дни перелистывать тягостно мне, —
Мерить баллистами крепость камней.
Тихая робость сердцу мила.
Чёрным надгробьем песня легла.
Как инквизитор, льстив и хитёр,
Ныл, что – вблизи-то жжётся костёр!
Ласково пленную жжёт на костре,
Словно нетленные Божий портрет:
Вечно промучится – и не сгорит!
Время-разлучница рядом парит.
Я излечила ожоги души.
Что же случилось в тихой тиши?

СОН

(По мотивам Ольги Кобылянской)

Пречистой Деве Марии

Кого-то искала, искала во сне,
И целого мира он был мне дороже...
Я в городе чёрном металась, и мне
Привиделся кто-то, волшебнo похожий...
И кто-то похожий ко мне подошёл,
И взглядом вссиял, словно солнце в закате,
Мне руку легко положил на плечо...
А я – почему-то – стою виноватой.
Я женщину эту с лицом молодым,
В тёмной и бедной одежде печальной —
Не знала! Но женщина снова твердит,
Что я много раз её в жизни встречала...
Но вспомнить её я никак не могла!
Ведь если б встречала, – запомнила б точно,
Как боли безмерной черта пролегла
На скорбном лице, возле губ непорочных.
Что знаю её, вновь твердила она,
Мне напомнить взялась все (небывшие?) встречи:
«Вспомни, тогда ты ребёнком была.

Но день тот тобою навеки отмечен —
Таких же детей, но сирот, привела:
Я двух музыкантов за хлебом водила.
За то, как о них долго слёзы лила,
Я на губы твои поцелуй возложила,
Чтобы Правда, ожившая в сердце твоём,
Через эти уста людям бедным звучала.
...И у ложа пропившего жизнь мы вдвоём
Его Ангела Смерти встречали...
...И у бедной вдовы. Для которой бедой,
Для которой – проклятием выросли дети...
Ты не помнишь отверженки той молодой,
Что в гробу получила два – наших – привета?
Всё не помнишь меня?»
Но я знала теперь!
К Ней одной я летела в бессолнечных думах,
Ей молилась, когда раем виделась смерть!
Но ни разу о Ней не сумела подумать...
Я рванулась пред Ней на колени упасть!
Но сдержала меня. И печально сказала:
«Всем стараюсь помочь. А никто ведь – не спас:
Я стояла – одна: там, где Сына распяли!..»
И умолкла на миг, и закрыла глаза,
И сказала потом: «Я должна торопиться —
Ради Правды, Любви, ради всех, кто в слезах...»
И исчезла... Но словно дала мне напиток!

И пропала тоска, и все силы собрав.

Я с Любовью, в которую люди – не верят!,

Как восход, приближаю победу Добра...

Одного лишь боюсь: Её горе – измерить...

АНОНС

Как различаем лишь по цвету мы лебедей,
Не оставляйте без ответа слова людей.
Не красотою мерьте лица, а – ширью душ.
И улыбнитесь тем, кто злится, узрев беду.
Любой достоин: из трясины – да по ковру.
Ведь каждый в гости зван был Сыном: сесть на Пиру.
Так нам судить ли, нам ли мерить и избирать?
Когда и нам – дурной химерой Святая Рать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.